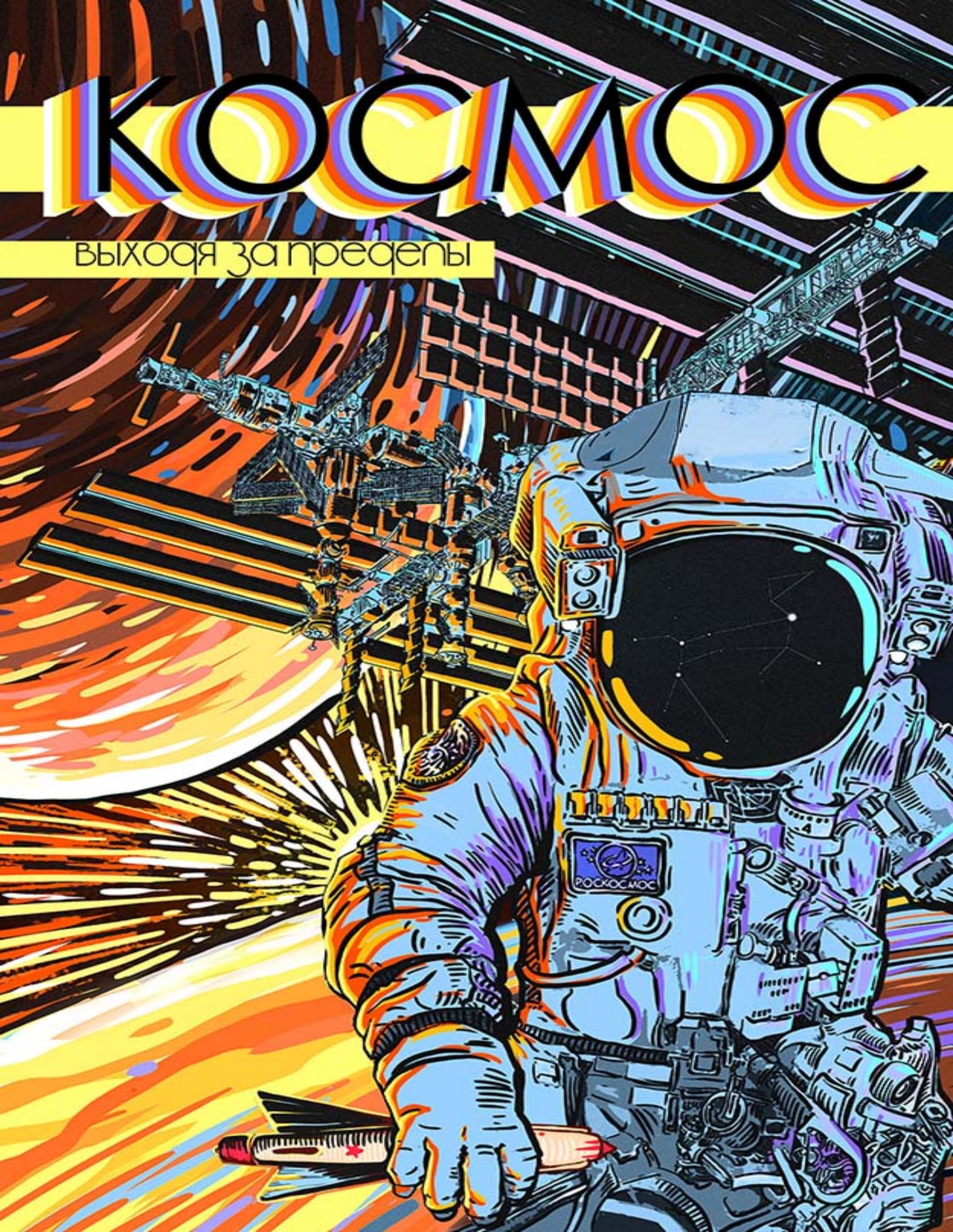

КОСМОС

ВЫХОДЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ

КОСМОС: ВЫХОДЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ

Сборник прозаических и стихотворных произведений с прекрасным авторским составом: Надя Делаланд, Дана Курская, Стефания Данилова, Елена Жамбалова, Елена Шевченко и многие-многие другие популярные авторы, вдохновленные темой безграничного живого космоса.

Содержание

Словами о живущих здесь словах
«Собаки восходят над хатой...»

Анна Акчурина

Небесная геометрия

Вне

Авалон

Поверх реалий

Ольга Андреева

«Идти туда — или уйти отсюда?»

Планете

Марсианские хроники

«Что касается звёздного неба над нами...»

Влада Цепеш

Мириады

Игорь Куншенко

Отец

Александр Соболев

Отрывок осенней ночи

«...Всё — за гранью речённых фраз...»

Год спокойного солнца

Людмила Гонтарева

«Солнце встало над землёй...»

Сергей Стрелков

Башня

Владислав Кудба

«Детский взгляд в первозданную синеву...»

Галина Ульшина

Гончие Псы

Белая пропасть

Дарина Старк

Чёрный ящик

Дарья Соль

«Эти звёзды погибли задолго до наших
взглядов...»

Владимир Морж

Итальянская штукатурка

Сергей Волошин

Суперновое

Глубокий космос

Александр Студницын

Мерка

Высота

Дом?

Елена Гарбузова

«И в самых разных уголках Земли...»

Анастасия Жирнякова

Звёзды над Городом

Екатерина Гопенко

Все сны о Земле

Наталья Белоедова

«Маленький мальчик на резиновой лодке...»

«Ты знаешь, там открыли кафетерий...»

«На остановке...»

Анастасия Туровская

Любовь

Татьяна Курмазия

«Мне кажется, нам с тобой много сотен лет...»

Юлия Зайцева

«Говорят, макрокосмос взрывается от комет...»

Евгения Пампура

Вечерняя молитва

Елена Шевченко

Обо мне

Людмила Зайцевская

Никакой луны

Сергей Фирсов

О любви и экологии в эпоху космоплавания

Ядвига Розенпаулис

«Вертикальная...»

Ирина Гет

«На лунный крючок...»

Млечный путь

Елена Жамбалова

«Говори с безумцами...»

«Надо всем есть другое другое...»

Стефания Данилова

Белая звезда

Людмила Шутько

Язычник

Светотень

Анна Коржавина

«Мост обрастает перьями...»

«Это лето уже настигло...»

Александра Кессо

«Экклезиастовской невичною луной...»

«К пришествию весны люд смотрит вверх...»

Александр Фурсов

Мистификация

Реминисценция [12]

Наталья Захарцева

Нарушитель законов тяготения

Надя Делаланд

«Лунный осколок в орбиту Земли...»

«Голова на краю вселенной...»

«Марс очень близко — розовой звездой...»

Александра Ластоверова

На самом

«Что пули туда летят, что слова...»

Широтами

Затмения

Андрей Колпаков

Утренние люди

Лунная Кошка

Виктор Цененко

«Посмотри на небо...»

Максим Богданович

«Я хотел бы встретиться с Вами на улице...»

Ольга Ткачёва

Зоя с планеты Пикран

Владимир Ильичев (Сквер).

Космос

«Вы поменяли фото в профиле...»

Александра Зайцева

Сретение

Игорь Куншенко

Программа одиночного освоения Марса

Спаситель

Алёна Алексеева

«Утро ещё чёрное...»

Дарья Христовская

Космическая Одиссея

«Хроники планеты, липкой как патока, я...»

Кирилл Стасевич

Любовь Чубова

Солярис

Чароит

Фазеры к бою!

Равноценный обмен

Валентин Гусаченко

Признаки жизни

Раиса Вольф

Потерянный

Елена Ладовская

«Прибавьте громкость, ещё прибавьте!»

Дана Курская

«Ни одного тревожного симптома...»

Александр Тихонов

«Я ещё на старте, ещё в начале...»

«Ключ на старт!»

Екатерина Гопенко

Песня второго космонавта
«Заведу себе дракона...»

Анна Ижогина

Про Дракона

Наталья Захарцева

Скафандр для дракона

Сниму галактику недорого

Екатерина Вернер

«У героя, к примеру, есть меч...»

Ирина Гет

Зая ездочная

Татьяна Кутасова

Космическая колыбельная

«Маршрутка, убитая, громкая...»

Евгения Колесникова

Песенка влюблённого астронома

Танаисская колыбельная

Елена Серанова

Приходите посмотреть

Ольга Ткачева

Космическая моль

Анна Сеничева

Расуль Алейдинов

Вершины и звёзды

Приложение

Анна Акчурина

Художник Виталий Скобеев: Послание

Вселенной человеку.

Словами о живущих здесь словах

Это был тот самый случай, когда заходишь в социальные сети «на пять минут, максимум», а указанные пять минут как-то незаметно становятся равными полутора часам. Я листала новостную ленту и наткнулась на объявление о наборе авторских произведений в сборник, посвящённый космосу. Предмысленным взором замелькали учебники, массы, расстояния «от» и «до» и превеликое множество цифр с бесконечным количеством нулей, стыдливо скрытых степенью десятки. «М-да, — подумала я, — и об этих световых годах и мудрёных названиях отважные составители решили создать сборник стихов и прозы? Что ж, удачи им и терпения. Жаль, что мне не удастся принять участие». Начала листать дальше и совсем забыла об этом.

Прошло несколько недель. Мне написал старый (и вовсе не старый в том смысле, в каком мог бы подумать уважаемый читатель) друг и собрат по перу с просьбой (и довольно-таки лестной, не буду скрывать) написать рецензию на коллективный сборник, над которым сейчас работает. «Конечно, не вопрос, — написала я в диалог, — высылай макет, я почитаю и напишу».

Присланный мне макет был именно макетом сборника о космосе. Я стала читать. Изначально собираясь лишь выборочно ознакомиться с несколькими произведениями, я не заметила, как прочла все. Даже инстинктивно потянулась перелистнуть дальше. Продолжить чтение. И только тогда поняла, насколько сильно ошибалась. Космос, который я обнаружила в данной книге, был вовсе не безжизненным, холодным и

далёким пространством сухих цифр и звёзд. В нём есть жизнь, поняла я. Жизнь, люди, чувства, тепло, свет. Магия. И много ещё чего.

Сначала я пыталась написать рецензию. Сухую, чёткую рецензию, в которой бы указывались и освещались всякие скучные формальности вроде количества страниц, географического охвата участников, соотношения прозы и поэзии, дизайна обложки (как будто его можно не заметить) и всего, что полагается писать в таких случаях. Но я не смогла. Получилась бы неуместная и пустая вставка, лишённая и лишаящая смысла. Пусть лучше будет отзыв, решила я и написала это вступительное слово, которое Вы сейчас читаете.

Разумеется, я спросила, можно ли ещё принять участие в этой уникальной межгалактической экспедиции, и успела запрыгнуть в улетающий звездолёт! Чему несказанно рада, так как мне посчастливилось занять уютное местечко на капитанском мостике и стать старпомом. Такой космос мне очень-очень по нраву. И кто сказал, что я никогда особо не любила астрономию?..

***Шевченко Елена Евгеньевна,
член Союза писателей России***

**«Собаки восходят над
хатой...»**

Анна Акчурина

Небесная геометрия

Взгляни, как мерцают в воздухе
геометрические фигуры:
Эдакие квадратики и шестеренки,
мысленные призмы,
хрустальные диски Поликлета,
плывущего в водах беспамятства до-бытия...
Недоказанные теоремы,
пронизывающие воздух Эдемского сада, —
Пространство и Время
перебрасывают их друг другу,
через голову Небытия,
балансируя
на острие бесполезной иглы
схоластики...
Вызванные к жизни для тебя,
они не боятся противоречий, —
(не бойся и ты.)
Так же легко-безупречно
скользя по отвесной плоскости
жилища, обитого крепом,
они снуют во времени и пространстве,
не гнушаясь материи.
Твой дом весь в снегу.
...Только часы в нем — стоят.

Вне

За слезной, жгучей пеленой
Несбывшееся — темной рыбой
садов таинственных Магриба
дрейфует надо мной,
пересекая Млечный крен,
блистающий тяжелой сетью
живых роящихся соцветий.
Но ей не страшен плен.
Взломай же ставень ледяной.
Пусть, невесомостью играя,
звезда дробится голубая —
стальной волной.

Авалон

Вот печаль из самых бесполезных:
вьюжит, дышит льдом — вино Кометы,
в хороводе огненного спектра
Ригель, Каф и рдяный Бетельгейзе.
Что с того, что холст судьбы в порезах!
Звезд без счету и в утробе смертной.
Ночь идет, как слава — Призрак-крейсер,
а в петлице — ржавая Электра.
Всё в одну слепящую прореху:
медь... махра... кристаллы льда и страха...
Где печаль? Где тризна? Сыпь до верху:
не убудет, Gloria^[1], от праха.

Поверх реалий

«Пролетели, улетели
Стая легких времирей...»

Велимир Хлебников

Лишь сумерек кров отвори —
и нет больше блёклого лета:
всё вновь, всё иного цвета,
в Стожарах^[2] цветут времири,
бежит электричество в жилах,
шипит на запястье снежок,
грозы кислородный ожог —
и тот отменить не в силах
пространства озноб. Кометы,
грифоны, мирьяды миров...
Но Ангел Плеяд суров:
смахнул всё,дохнул — и нету.

*«Словотворчество — враг книжного окаменения
языка и, опираясь на то, что в деревне около рек и
лесов до сих пор язык творится, каждое мгновение
создавая слова, которые то умирают, то получают
право бессмертия, переносит это право в жизнь
писем»*

Велимир Хлебников.

*«Пока существует такой язык, как русский,
поэзия неизбежна»*

Иосиф Бродский.

Ольга Андреева

«Идти туда — или уйти отсюда?»

Идти туда — или уйти отсюда?
Уйти в себя — или сбежать наружу
и, безмятежный общий сон нарушив,
спасти из плена времени минуту?
А Время — миг. Зачем оно дробится
на годы, на века, на поколенья?
И рыженьким котёнком на колени
пылающее солнце громоздится...

Планете

Говорят, ты прекрасна из космоса.
Я не помню. Я скоро увижу.
Неизвестное, вечно искомое
станет лишним, зато станет ближе.
Ясным морем разлитый Ответ
навсегда отменяет вопросы.
Счастья нет. Смысла нет. Только свет.
Я — никто. Знаю — всё. Только проза.
Я увижу — и не задохнусь
от восторга, любви. Не заплачу —
уловлю световую волну
и пойму, что решила задачу.
Разбегаюсь лучами раскосыми,
обретая спокойствие Будды.
Говорят, ты прекрасна из космоса.
Я тебя никогда не забуду.

Марсианские хроники

С этой красной пожароопасной планетой
постепенно от нас отдаляется лето.
Кстати, кто-нибудь знает, а сколько парсеков
от меня до глядящего вдаль человека?
Красноватой звездой заболели закаты.
У луны свет янтарный, слегка бесноватый.
Так близки — но сближенье коварнее дали,
потому что похожее не совпадает,
потому что последняя капля терпенья
излилась в красноватое излученье.
То ли что-то из воздуха просится в душу,
то ли что-то в душе, задыхаясь, — наружу.
Пять столетий подряд в нас бродил этот вирус —
жаль, мы жить не умели и словом давились.
Даже если решимся, споём в стиле ретро —
мы — побочный продукт эволюции ветра...
Что в нас вечного? Разве что эта тревога,
что мешает уснуть нам, не верящим в Бога...
Но под каждым течением — антитечение
и за каждым решением — муки сомнения.
Я привыкну к себе. Это трудности роста.
Обрывать пуповину — кому это просто?
Бог войны заскучал в марсианской пустыне,
по земным плоскогорьям скитается ныне.
Оттого-то жара насаждает седая —
видно, и у него что-то не совпадает.
Громыхала гроза, ливень как ни старался —
не сумел погасить полыханье на Марсе.
Красно-жёлтые лилии^[3] стали кострами,
на восток семена уносили мистральи...

«Что касается звёздного неба над нами...»

Что касается звёздного неба над нами —
так ему фиолетовы наши законы
на отшибе галактики. Тьма ледяная
ржавой медью бликует сквозь летние кроны,
растекается время, и слово не значит
ничего, кроме графики вольно-волнистой,
и придётся учиться тебе, не иначе,
если уж не смирению — то компромиссу.
Что касается звёздного неба над нами —
мы не видим его, города ослепили
Млечный Путь — и Орла, и Тельца с Близнецами, —
но глядим и глядим, оторваться не в силах,
тают звёзды в тумане, что сахар в стакане —
и уводят умы от сознания тлена,
невозможность приблизиться давит, как камень,
золотой Керулен — воробью по колено,
только небо способно вместить твою волю
и спасает тебя от унынья закона —
наливная покатошь пшеничного поля,
шар скользяще-летающий за кронами клёнов,
там, где нимб городов недоступен для зренья —
не балована признанными именами
под белёсой косой дышит миром деревня
и касается звёздного неба над нами.

Влада Цепеш

Мириады

Сегодня мне опять снились яркие, неизвестные созвездия, и я плакала от страха, закрывая голову руками.

Змееносец — дуга от лезвий.
Нестерпимо искрится Лира...
Я внезапно боюсь созвездий
Над таким беззащитным миром.
Я шатаюсь под весом неба
На пылинке своей планеты.
Милый Арктур, привычный Лебедь...
Холод космоса... километры...
Страх бездонного лезет в душу.
Мириады уколов спицей.
Я вжимаюсь лицом в подушку,
Только знаю — опять приснится.
Я до дрожи боюсь тех далей,
Из которых, мерцая, смотрят
Галактические спирали
Обезличенным взглядом мертвых.

Игорь Куншенко

Отец

На самом деле ничего уж очень страшного он не совершил: школу не поджег, туалет не взорвал, окно в столовой не разбил, даже не подсунул под дверь директора дохлую крысу. Одним словом, вел себя чинно, благородно и замечательно. Подумаешь, уронил какой-то там цветочный горшок. Пустяк, казалось, а миссис Звенева так взъелась, что Господь спаси и помоги, мозги сушила на протяжении добрых десяти минут. А десять минут для одиннадцатилетнего шалопая — вечность.

Поэтому не надо удивляться, что юный Том Соливан в тот вечер был обижен на весь этот проклятый мир и ни на что не обращал внимания. Настроения просто не было. К тому же прямо из-под носа уехал автобус, так что пришлось на остановке стоять еще минут семь. Та еще, сказал бы вам Том, пытка.

Итак, в тот момент, когда стучал в дверь, Том думал, что мама сделает из него два Тома, из-за того, что он опоздал к ужину на целых пятнадцать минут. Дверь открылась, и Том в ужасе зажмурился. Он ждал чего угодно.

Но не того, что случилось. Совершенно. Мама молча пустила его в дом, погладила по голове и куда-то ушла. Поразительно!

Если бы мальчишка не был так расстроен произошедшим в школе, он, несомненно, задумался бы о том, что это с мамой творится. Но в тот миг его охватила такая радость, что он тут же побежал кушать. В тот вечер мама приготовила сырную запеканку. Том не сильно-то любил подобные штуки, но его радость была столь велика, что он умял сырную гадость за обе щеки. Тут бы самая очередь миссис Соливан удивиться.

Но она даже глазом не моргнула. Шмыгнула носом, и все! Поразительно!

Потом она поцеловала сына в лоб и попросила пойти наверх и поиграть там. Он обратил внимание на то, что у мамы странно красные глаза, но не придавал этому значения и побежал в спальню. Там его ждала огромная мозаика, которую он собирал весь месяц. Работа уже подходила к концу. Том надеялся завершить ее в этот вечер.

И завершил!

Ничего дальнейшего не произошло бы, если бы он этого не сделал. В тот вечер на него нашло прямо-таки вдохновение. Вот Том и уложился в каких-то там полчаса.

Он так обрадовался! Так, что даже забыл про мерзкую миссис Звеневру. И сразу же побежал вниз. Надо же, чтобы мама и папа посмотрели, какой он молодец!

На его восторженный крик из кухни вышла мама. Было видно, что она недавно плакала. Одна слезинка все еще текла по ее щеке. Том увидел все это. И понял... Все, что надо, сложилось, как в той мозаике. Понял.

Он кинулся к маме. Та обняла его и стала целовать: в лоб, в щеки, в нос. Голова у него кружилась. Он не хотел в это верить! Не хотел!

И тут Том заплакал. И мама тоже. Так они и стояли посреди холла и рыдали, рыдали, рыдали.

А потом юный Соливан вырвался из маминых объятий и закричал:

— Почему ты отпустила его без меня?!

Том никогда не кричал на маму. Она не позволила бы. Но в тот последний и единственный раз она не только позволила, но даже и ответила:

— Мы тебя ждали, но ты опоздал из школы.

— Нет! Поганая Звеневра! Нет!

И Том тут же вылетел, словно пуля, на улицу. В темноту. Мама кричала, чтобы он остался. Но он, конечно, послушался.

Ему надо успеть! Во чтобы то ни стало!

Том бежал по ночной дороге. Он кричал и бежал. И молчаливые звезды освещали его путь. Проклятый звезды! Гадкие, мерзкие звезды! Они хуже даже миссис Звеневры!

Маленькое сердечко сильно билось в мальчишеской груди. Но мальчишка не обращал на это внимания. Его мысли были совсем в другом месте, далеко отсюда.

Конечно, Том Соливан не успел бы. Минут через девять выдохся бы и вернулся назад, чтобы плакать вместе с мамой. Рядом с ним затормозил автомобиль.

— Парень, спешишь куда? — спросил седовласый водитель.

— Спешу, — ответил Том.

— Подбросить?

— Ага.

И Том назвал место назначения. Водитель удивленно пожал плечами, но дверцу открыл.

— Мне не по дороге, но все равно подвезу, — сказал он.

— Огромное спасибо, мистер.

И они поехали. Прямо, как ветер. Разумеется, Том не смог бы так быстро бежать. А теперь у него появилась надежда успеть.

Только бы успеть! Только бы...

Ехали они минут пятнадцать. Не больше. Водитель, которого, кстати, звали Гарри Миллз, все время пытался задавать вопросы. Точнее, успешно их задавал, но вот ответов-то не получал. Мальчик игнорировал любопытство мистера Миллза. Он всю дорогу молчал и пробудился от своих мыслей, только когда они приехали. Быстро поблагодарил водителя и побежал по направлению к темному зданию.

Том уже бывал здесь. Два раза. Поэтому знал, куда надо свернуть, чтобы его не остановили вежливые молодые люди в форме со звездочками на погонах. Сейчас он спешил. А ему могли помешать успеть.

Действительно, его не остановили в темном зеве высокой арки. Он благополучно пробежал мимо огромных красных труб и выбежал на гигантское поле, поросшее травой. То, что трубы были красные, он, конечно, не мог увидеть — слишком уж темно было под аркой, — зато отлично помнил. При первом же посещении он обратил на них внимание, образ этих труб намертво врезался в память. Особенно, их цвет.

Но сейчас Тома это не волновало. Он бежал по влажной траве к длинной бетонной дорожке. На ней стояла огромная темная громада — цель этого безумного спринта.

В боку колело, легкие горели. Он бы остановился. Но — нет! Ему надо было успеть! Иначе жалеть будет всю жизнь.

Успеть!

Его волосы тронул прохладный ветерок. Где-то печально пиликал кузнечик. Том не обращал внимания ни на что. Он рвался вперед. А на его глазах наворачивались слезы. Ведь мальчик понимал, что не успеет.

И на самом деле не успел!

Громада двинулась, вздрогнула. Она медленно поехала вперед по дорожке.

— Нет!

Его никто не мог услышать. Никто.

— Нет!

Все это глупости. Том упал в траву и заплакал, все еще пытаюсь кричать:

— Нет!

Загорелись кроваво-красные дюзы, и корабль взмыл вверх. К звездам.

— Папа...

Папа улетал в неведомое никуда. Он летел навстречу мечте. За его плечами оставалось взлетное поле. Может быть, он и хотел повернуться и в последний раз посмотреть на него. Но не мог. Ему надо было следить за датчиками. Ему надо было наблюдать за бегущими по экрану циферками. Он был занят.

— Папа...

А его сын валялся в траве вблизи взлетной полосы и рыдал.

— Папа...

Папа вернется. Обязательно. Вот только это случится всего через восемьдесят лет. Всего...

Дожить бы...